

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Г. А. Меновщиков

ОБ ОДНОМ СХОДНОМ СКАЗОЧНОМ СЮЖЕТЕ У ЭСКИМОСОВ, ЮКАГИРОВ, ЯПОНЦЕВ И ВЬЕТНАМЦЕВ

В древних мифических преданиях аборигенных народностей Чукотки и Камчатки нашли широкое отражение фантастические представления людей первобытнообщинной формации о мироустройстве. Одним из главных культурных героев устного народного творчества ительменов, коряков, кереквов, чукчей и азиатских эскимосов выступает ворон, выполняющий в ранних мифических преданиях этих народностей миссию создателя мира, людей, животных, небесных светил и т. д. Однако этой мирозданческой миссией ворон наделялся не только в районе северо-восточной оконечности Азиатского континента, но и в сопредельных областях Северной Америки, в Гренландии и далеко отстоящих отдельных странах Азии (Япония, Вьетнам) [см. 1; 2; 3; 5; 9; 10]. Сравнительное изучение мифических преданий и сказок о вороне и других общих персонажах в устном повествовательном творчестве аборигенов указанных районов свидетельствует о значительном сходстве отдельных сюжетов. Так, на значительной части данного ареала возникли и распространились также мифические предания о «создающей женщине», об обездоленном сироте и др.

Иными словами, одновременное бытование сходных мифических преданий с животными персонажами и широко развивавшихся на их основе сказок о животных у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки (эскимосов и северных индейцев) свидетельствует, по-видимому, не только о простом заимствовании отдельных сюжетов из этих жанров фольклора одной народностью от другой, но и о весьма длительном и сложном культурном взаимодействии и взаимовлиянии древнейших народов отмеченного района, в результате чего в их мировоззрении и художественно-познавательном творчестве возникло множество общих элементов, повлиявших на становление и последующее развитие сходных в сюжетном отношении мифов и сказок. Понятно, что этот многовековой процесс взаимной интерференции общих компонентов духовной культуры мог совершаться и при условии как постоянного, так и периодического контактирования, и в результате сходства природных и общественно-исторических условий жизни.

Между тем нет оснований утверждать, что полярные эскимосы области Туле в Гренландии, «открытые» для науки лишь в начале XX в., в известный нам по этнографическим и археологическим данным исторический период могли непосредственно контактировать с палеоазиатами Чукотско-Камчатского ареала, а также с японцами и вьетнамцами. Такое контактирование и взаимодействие априори могло иметь место

лишь в отдаленные исторические времена — до заселения человеком Североамериканского континента, когда в каком-то гипотетическом районе тихоокеанского бассейна формировались разноразличные дальневосточные азиатские племена и народы, жившие по соседству и находившиеся на сходном культурном уровне. Совпадающие условия общественной жизни и окружающей природы порождали сходные представления о мире, что и находило отражение в ранних формах устного художественного творчества, непосредственно вытекающего из ранних мифологических воззрений людей первобытнообщинной формации.

Это краткое введение понадобилось для того, чтобы объяснить интерес к одному сходному сказочному сюжету, обнаруженному мною у далеко отстоящих, разноразличных и совершенно различных по культурно-этническим признакам народов.

В 1948 г. от науканских эскимосов, проживавших около мыса Дежнева, я записал несколько вариантов этиологической сказки о том, как Ворон и Сова друг друга покрасили. Сюжет этой сказки ранее не был зафиксирован в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки. В предисловии к первому изданию эскимосских сказок в русском переводе [5] я указал даже, что эта сказка отмечена только у азиатских эскимосов. К такому преждевременному выводу меня привело не только то, что данный сюжет ранее не встречался в литературных источниках по фольклору других народов, но также и специфически эскимосская бытовая обстановка, в которой изображаются действия персонажей сказки. Вот перевод одного из эскимосских вариантов этой сказки:

Ворон и Сова

«Говорят, Ворон и Сова прежде белыми были. Встретились однажды они в тундре, и Ворон сказал: „Мы оба белые. Давай покрасим друг друга!“ Сова ответила: „Ну что же, давай попробуем, что получится“. Ворон, обрадовавшись, воскликнул: „Вот и прекрасно, начнем!“ Затем Ворон сказал: „Сначала ты меня покрась, потом я тебя!“ Сова ответила: „Но ведь ты первый предложил покраситься, так и начинай первым! Сначала меня разрисуй, а потом уже я тебя разрисую“. Ворон согласился: „Что же, пусть будет по-твоему: сначала тебя разрисую“. Взял Ворон плоскую с черным отстоем от жирового светильника и начал старательно разукрашивать каждое перышко Совы пером из своего хвоста. На каждом перышке намалевал серые пятнышки: на крыльях — побольше, на груди и спине — поменьше. Кончив, сказал: „Ого, красивой сделал я тебя! Посмотри же сама на себя!“ Сова оглядела кругом себя и ответила: „Правда, красивой я стала, с пятнышками“. Затем сказала: „А теперь я тебя красавцем сделаю, каким ты никогда не был. Приготовься!“ Ворон к солнцу повернулся, глаза прищурил и замер, чтобы Сова лучше его разрисовала. Сова тоже старательно Ворона разукрашивала, а он от радости даже не шевелился. Когда Сова закончила разрисовывать Ворона, осмотрела его со всех сторон. Затем хорошенько на себя посмотрела. Оказалось, что Ворон красивее ее стал. Рассердилась Сова, подошла к Ворону и облила его с головы до ног черным отстоем сгоревшего жира. Ворон сделался черным. Сова тотчас улетела. Протер Ворон глаза и закричал: „Когтистая, глазастая, что ты наделала! Черным сделала меня, заметным сделала меня!“ С тех пор Ворон черным стал, отстоем жирового нагара от светильника пропитался навсегда. Вот и вся моя сказка».

В другом варианте этой сказки Сова не разрисовывает Ворона, а сразу вероломно обливает его жировым отстоем светильника. Целый

ряд сюжетов о красящих друг друга Вороне и Сове отмечен в фольклоре канадских эскимосов [см. 10].

Совершенно случайно, а не в результате специального розыска в 1958 г. я обнаружил японский сюжет сказки о Вороне и Сове [8, 105]. В японской сказке отмечается то же этиологическое содержание: почему Ворон стал черным. Различие в сюжете в том, что Ворон здесь не красит Сову, а Сова, оказывается, была в старину красильщиком и разрисовывала птиц в разные цвета. По просьбе Ворона Сова беретя покрасить его в самый небывалый цвет. Она сажает Ворона в горшок с черной тушью, и он становится неузнаваемо черным. Возмущенный Ворон упрекает Сову, которая пытается оправдаться. Обе птицы становятся врагами. Сова боится мести Ворона и потому прячется днем. Своеобразие японского варианта сказки в том, что Сова оказывается здесь профессиональным красильщиком, пользуется разными красками и черной тушью. Налицо национальный и социальный колорит сюжета сказки в современном ее звучании.

В том же году был опубликован сборник вьетнамского фольклора, в котором мы находим сказку под названием «Ворон и Павлин» [6, 176]. Здесь тот же этиологический сюжет: почему Ворон черный, а Павлин ярко-пестрый. Как и в эскимосском варианте, птицы обоюдно раскрашивают друг друга, только вместо эскимосской Совы — Павлин (отражение природных особенностей Вьетнама), а вместо жирового нагара от первобытного эскимосского светильника — черная тушь и набор специальных красок. Как и в японском фольклоре, этот древний сказочный сюжет у вьетнамцев претерпел влияние позднейшей культуры.

Сходный в некотором отношении сюжет древнейшей этиологической сказки мы находим в фольклоре полярных эскимосов области Туле в Гренландии [9, 43]. Там в качестве персонажей выступают человеческие дети, которые играют в кричащих на разные голоса птиц. Поглощенные игрой, они наполнили жиром чашу от светильника, и один из них, обмакивая в жировой нагар палочку, стал рисовать на другом пятнышки. За ними наблюдал взрослый человек. Он подполз к играющим и услышал, как уже разрисованный сказал: «Теперь позволь мне сделать то же самое». И начал разрисовывать пятнышками (под птицу) своего товарища, который в свою очередь сказал: «Позволь мне первому получить мою верхнюю шкуру». Тем временем человек подполз к ним еще ближе и напугал их. Один из малышей вылил на другого переполненную чашу с жиром. Облитый начал кричать «кар-кар», в то время как другой кричал «кех-кех». Таким образом, заканчивает рассказчик, первый стал Вороном и в будущем стал кричать «кар-кар», а второй — Ястребом и стал кричать «кех-кех».

Сходный с азиатско-эскимосским сюжет обнаруживается также у юкагиров в сказке «Как Ворон и Чомга красили друг друга» [см. 4, 48]. В этом случае сюжет мог быть заимствован одной народностью от другой в результате непосредственных в далеком прошлом или опосредованных (через чукчей) контактов. Возможен и более ранний путь возникновения и развития этого мигрирующего сюжета в гипотетической протопалеоазиатской этнической среде, откуда он получил свое распространение в связи с последующей миграцией племен на новые места обитания. Так или иначе, сюжеты о Вороне и Сове, а также перекликающиеся с ними сюжеты о Вороне и Павлине, о Вороне и Ястребе (региональные варианты) берут свое начало в древнейших мифических преданиях, которые могли возникнуть как параллельно у разных народов в связи с идентичными условиями общественного развития при одинаковом уровне духовной культуры в доисторическое время, так и

благодаря имевшим некогда культурным, военным, миграционным и другим контактам между народами различных районов Северо-Восточной Азии и Северной Америки. Что же касается конкретной этнической среды, в которой мог возникнуть, а затем распространиться у соседских народов архетип этого сюжета, то при современных знаниях общественно-исторического и культурного развития народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки, учитывая отсутствие по данному ареалу древних письменных источников, назвать ее не представляется возможным.

Можно лишь сказать, что более определенным и устойчивым структурным элементом данного сказочного сюжета выступает его этиологическая основа: почему Ворон стал черным, а Сова — пятнистой. Эта этиологическая основа животной сказки свидетельствует о ее мифологических истоках. Стремление же к сохранению более полных и ранних форм сюжета данной животной сказки у эскимосов (обоюдное раскрашивание персонажей) и тенденция к усечению смыслового и структурного построения сюжета ради художественно-эмоционального эффекта у японцев (Сова — искусный красильщик, одностороннее раскрашивание) объясняются различием культурно-исторических мировоззренческих факторов, которые в эпоху гипотетических контактов могли совпадать.

Приведенный здесь образец сказки о Вороне и Сове (о Вороне и Павлине, о Вороне и Ястребе) с совпадающим у далеко отстоящих разноречных и неодинаковых по культурному уровню и социально-общественному устройству народов (Северная Америка — Чукотка — Япония — Вьетнам) сюжетом должен нацелить фольклористов на необходимость сопоставительных и сравнительно-исторических изысканий в области устного художественного творчества данного ареала. Уход фольклористов в научных поисках за пределы своей области или народности может дать весьма плодотворные научные результаты в установлении закономерностей развития ранних форм устной художественной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов Л. В. Сказки о животных в фольклоре народностей северо-востока Сибири, — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 383, 1969, стр. 109—130.
2. Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, СПб., 1900.
3. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки, М., 1958.
4. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса, М., 1963.
5. Меновщиков Г. А. Предисловие, — «Эскимосские сказки», Магадан, 1958.
6. Сказки и легенды Вьетнама, М., 1958.
7. Эскимосские сказки, Магадан, 1958.
8. Японские сказки, М., 1958.
9. Holtved E. The Polar Eskimos. Language and Folklore, København, 1951.
10. Nungak Z., Arima E. Eskimo Stories, Ottawa, 1969.